

КНР: ПУТЬ В БУДУЩЕЕ

«ПОСТВИРУСНЫЙ» КИТАЙ ГЛАЗАМИ ВОСТОКОВЕДА НИКОЛАЯ ВАВИЛОВА

Николай Вавилов — профессиональный востоковед, китаист, выпускник Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, создатель и главный редактор интернет-издания "Южный Китай", эксперт Российского экспортного центра. Его ра-

боты вызывают оживлённые дискуссии как в России, так и за рубежом. Мы представляем вниманию наших читателей текст его доклада на конференции "Китай на пороге глобальных изменений: история, современность, будущее", специально подготовленный для газеты "Завтра".

В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ большой интерес вызывает состояние китайской экономики и, в частности, проблемы её взаимодействия с экономической российской.

Начну несколько издаека, с династии Тан. Это период конца VII — начала X века. Есть ряд исследований, которые говорят о том, что в эпоху династии Тан на экономику Китая приходилась, говоря современным языком, половина ВВП всего мира. Тогда же развился проект Шёлкового пути как первый акт средневековой глобализации.

Столицей империи Тан был город Сиань (провинция Шэньси), он тогда назывался Чанань — "вечное спокойствие". Кстати, нынешний лидер Китая Си Цзиньпинь, как и многие из его группы, ведёт свой род именно из этой провинции. Там сейчас находится эпицентр нового Шёлкового пути, который призван восстановить древнюю модель континентальной торговли.

К концу XVIII — началу XIX века на империю династии Цин приходилось, по подсчётам западных экономистов, около 30% мирового ВВП. Ещё порядка 20-25% приходилось на княжества и государства Индии.

С этими двумя гигантами экономики и имела дело поднимающаяся Европа времён первой промышленной революции. Китайская и индийская системы лежали на пути глобального господства Британской империи, препятствовали её интересам. С индийской системой британцы достаточно быстро справились, так как она представляла собой, по сути, конфедеративный конгломерат.

А с китайской системой история вышла куда более драматичная. Проблема была в том, что торговля с Китаем была не в пользу британцев, поскольку цинский Китай был крупнейшим производителем базовых продуктов. И британцы к началу XIX века окончательно поняли, что если Китай не разрушить, то глобального доминирования им не достичь. Что было предпринято? Силами Ост-Индской компании в западных частях Индии развернули масштабное производство опиума — единственного товара, который китайцы охотно выменивали на золото и серебро. Огромные плантации опиума были развернуты в Бенгалии.

Уже в начале XIX столетия торговля опиумом приобрела колоссальный объём. Первые британские крупные опиумные склады появились на территории острова Гонконг нелегально. Впоследствии Гонконг стал частью Британской империи.

Результатом английской наркоторговли стал масштабный финансовый кризис в империи Цин. Что не удивительно — ведь огромные средства стали перекачиваться оттуда в Британию.

Китайская империя начала рушиться. В том числе морально, идеологически. В Маньчжурской армии империи Цин не было, наверное, ни одного офицера, который не употреблял бы опиаты. Эта проблема озобатила верхи династии, с торговлей зельем стали бороться. Но это был запоздалый шаг, и по итогам Первой и Второй опиумных войн, которые совпали с нашей Крымской войной (британско-французской коалиции против России) — Китай проиграл. Маньчжурская армия показала свою слабость. Коррумпированные, не способные вести полноценную войну военачальники оказались бессильными против англичан, а внутрикитайские элиты обозначили вектор на децентрализацию..

Британцы к тому времени уже довольно глубоко внедрились в китайские элиты — особенно в те слои, которые были ущемлены инородным маньчжурским "игром". В итоге обозначился курс на распад Цинской династии, и уже к концу XIX столетия суверенная экономическая система Китая прекратила существование.

В последующие годы полным ходом шла инкорпорация производственных сил и рынка Китая в британо-французскую, российскую и американскую капиталистические системы.

Что случилось потом? Период после Синьхайской революции (1911-1912) до создания КНР (1949) был заполнен ожесточёнными гражданскими войнами между отдельными китайскими государствами. Всё это сопровождалось работорговлей, торговлей опиумом и тому подобным.

Надо заметить, что Чан Кайши, уроженец провинции Чжэцзян, был тесно связан с британским капиталом. При нём встраивание китайских государств в британскую систему усилилось. Китайские банки вообще были тесно связаны с британскими, французскими, американскими... По сути, вся производственная мощь Китая служила в те годы услонной Антанте.

К моменту создания КНР в Китае было три основных силы.

Во-первых, национально ориентированные силы — те, кто был нацелен на помощь отечественному капиталу и производству.

Во-вторых, силы, нацеленные на вхождение Китая в мировую систему. Это Шанхайская группа, очень мощная. Она до сих пор сохраняется как один из существенных векторов китайской политики и экономики.

И, наконец, группа, заинтересованная в создании планового государственного сектора. Её, естественно, поддерживал Советский Союз. Эта группа — команда Гао Гана, уроженца всё той же провинции Шэньси, — была первой уничтожена после смерти Сталина. Власть тогда временно перешла в руки проамериканских сил и тех, кто рассчитывал на усиление роли собственно китайской буржуазии.

До сих пор вокруг фигуры Мао Цзэдуна идут дискуссии о том, красным он был или белым, и так далее. Надо сказать, что и Мао Цзэдуна, и Лю Шаоци вполне открыто во время обсуждения будущей модели развития Китая заявляли, что китайская буржуазия — союзник пролетариата и крестьянства. То есть они рассчитывали на создание сильного класса малых и средних собственников. К этой же системе взглядов тогда склонялся заместитель Мао Цзэдуна Чжоу Эньлай. Но он больше поддерживал интересы гоминьданской бюрократической буржуазии Шанхая и Нанкина.

А Гао Ган и входившие в его группу Жао Шуцзи, Цзинь Дахуай и Си Чжунсюнь (отец Си Цзиньпина) были сторонниками плановой экономики по советскому типу.

Про помощь Советского Союза в деле создания экономики КНР достаточно много написано. Речь идёт о сотнях крупнейших производств, инфраструктурных проектов, о десятках тысяч инженеров, которые были посланы нами в Китай.

Надо отметить, что Китай вернул через 15 лет все кредиты, которые были выданы сталинским Советским Союзом. Сама же наша помощь была сверхмасштабной — она в десятки раз превосходила прословутый План Маршалла в Европе. Наша программа экономической помощи Китаю, которая проводилась в конце 40-х — начале 50-х годов, предполагала включение китайских производственных сил в систему Советского Союза. Но Мао Цзэдуна, как уже отмечено выше, расправился с Гао Ганом, который умер в тюрьме в 1954 году.

Гао Гана называли "маленьким Сталиным". На совещании руководителей Китая он в присутствии других руководителей предложил Иосифу Виссарионовичу включить Маньчжурию в состав Советского Союза на правах семнадцатой союзной республики — тогда в СССР было 16 союзных республик, включая Карело-Финскую ССР. Об этом предложении Гао Гана не сохранилось прямых документов, но есть много косвенных свидетельств сотрудничества нашего и китайского посольств, что такой разговор имел место. О чём, кстати, даже был материал в газете

"Жэньминь жибао". Но в итоге Китай свернул с пути плановой экономики.

Далее произошёл конфликт "проамериканцев" с левыми популистами. Началась леворадикальная политика "Большого скачка", затем была развязана "культурная революция", которая обрушила экономику КНР.

Примерно к середине 60-х годов Китай начал судорожный поиск внешней опоры для модернизации своей отсталой на тот момент аграрной экономики. Были попытки установить связи с ФРГ, Японией, другими странами капиталистического блока. И с социалистическими тоже. Однако было очевидно, что все эти страны порознь не обладали мощью, способной "вытянуть" модернизацию КНР.

Китай стал прощупывать американскую сторону. Это было очень непросто, потому что американцы искренне полагали, что КНР — часть советского блока, а все разногласия между китайцами и СССР несут "внутрисемейный" характер.

Но представителю Шанхайской группы Чжоу Эньлаю, первому премьеру Госсовета, удалось найти подход к американцам (в частности, к Генри Киссинджеру) через свои французские связи, поскольку связь Франции с шанхайскими группами капитала и организованного преступного мира в Settlements этого города была довольно-таки тесной.

В итоге с конца 1960-х годов Китай стал проводить чёткую линию на сближение с США. Президент Никсон смог убедить американский Совет национальной безопасности в том, что китайцы — не враги.

Началась интеграция Китая и США, которая ненадолго была прервана в связи с Уотергейтским скандалом и импичментом, прозвизшим Никсону. Но решающий поворот к Китаю был уже совершен.

Тем не менее, Китай долгое время находился в орбите советской экономики. Первое поколение российских бизнесменов, которые начинали работать с Китаем в постсоветское время, рассказывали, что в Гуанчжоу ещё в начале 2000-х годов можно было видеть такси — "Жигули" шестой модели. Этот маленький факт свидетельствует о том, что глубина советского влияния в Китае была огромной. Поэтому одновременно развернуть Китай к США оказалось невозможным. Это было задачей на десятилетия.

РЕФОРМЫ ДЭН СЯОПИНА и южно-китайских военно-политических групп были направлены на установление тесных связей с рынками США и Великобритании, на получение новых технологий. Это делалось точно, но интенсивно. В результате за двадцать лет: с начала 1980-х до 2000-х — Китай смог встроиться в американскую экономику. От советского технологического лобби китайцы оторвались, в том числе — с помощью открытых экономических зон. В первую очередь, в провинции Гуандун — месте сосредоточения китайского субэтноса хакка, к которому принадлежал, кстати, заместитель Дэн Сяопина, второй по иерархии член Политбюро маршал Е Цзяньпин.

С 2002 года, когда к власти пришёл Ху Цзиньтао, взаимоотношения Китая и США углубились в ещё большей степени. Товарооборот увеличился в несколько раз и к концу 2018 года составил почти 650 млрд. долл., включая сферу услуг. Для сравнения: российско-китайский товарооборот составлял тогда 90 млрд. долл. — в семь раз меньше.

В то же время китайцы наращивали своё присутствие в США: как в научном секторе, так и в инфраструктурных корпорациях. Так продолжалось до 2019 года — поворотного момента, когда Си Цзиньпин перерезал, наконец, этот "шланг". Впервые за 30 лет китайско-американская торговля сократилась на столь значительную величину — 15%, что в переводе на деньги составляло 150 млрд. долл.

Это был мощный удар, который лично я считаю одним из первых симптомов того кризиса, который мы все сейчас наблюдаем. Мы должны понимать, что к началу правления Си Цзиньпина Китай представлял собой во многом (примерно на две трети) криптоколония США. Двери для американских корпораций были в Китае открыты. В Китае во многом царил культ Соединённых Штатов, американские корпорации были везде: автомобильные заводы, кофейная компания "Старбакс", рестораны "Макдоналдс" и так далее... Председатель КНР эту линию оборвал и начал движение к экономическому взаимодействию со странами Евразии. Своим неприятием доминирования США на рынках Китая, привязкой к странам Евразии и попыткой выдвинуть американцев из Европы Си Цзиньпин открыл новую главу в китайской внешней политике.

В итоге удельный вес торговли со странами европейского и азиатского сегмента "Одного пояса и одного пути" составил 31,7%. В принципе, за счёт этой внешней торговли Китай может существовать вообще без привязки к США. Это важная внешнеэкономическая модель.

Вторая модель, уже внутренняя, связанная с тем, что до мирового кризиса 2008 года демократы США щедро предоставляли рабочие места американцев китайцам. И их товарам. Китай рос за счёт увеличения потребления в США и странах Евросоюза, а также некоторого потребительского дериватива в странах Юго-Восточной Азии. С началом кризиса потребление стало падать, и в 2008-м китайская экономика забуксовала.

Что сделали стоявшие тогда у власти проамериканские силы, в частности, генеральный секретарь КПК Ху Цзиньтао? Они включили программу "эмиссионной накачки" китайского рынка с помощью стимулирования внутреннего спроса. Эта программа была принята в начале второго срока Ху Цзиньтао в 2008 году. С тех пор денежная масса в Китае увеличилась примерно в десять раз.

Чайнатауны — фабрики Китая — завоевали весь мир. Чайнатаун в городе Сан-Франциско, штат Калифорния, США.

При этом реальная экономика КНР в десять раз, понятное дело, не увеличилась. И в стране образовался — даже по официальному данным — внутренний долг в 300% ВВП. В первую очередь, он приходился на крупные корпорации. Во вторую — на домохозяйства. О чём это говорит? О том, что китайцы, как и американцы, стали жить в долг!

И здесь встал ключевой вопрос об эффективности китайской экономики. Насколько она эффективна, чтобы выдавать долги, насколько добавленная стоимость китайской продукции способна закрывать кредитную накачку? Оказалось, что не способна. Поскольку в Китае, несмотря на очень быстрый его рост, не произошло качественного изменения технологий, роста эффективности производства.

Китай в среднем потреблял в четыре раза больше энергии на единицу созданной стоимости, чем в развитых странах. У него большие проблемы с эффективностью производства.

Перед внешним наблюдателем китайская экономика предстает как некое урбанистическое чудо: красивые небоскрёбы, многокилометровые автобаны, скоростные железные дороги... Но реально Китай больше напоминает колосс на глиняных ногах, который не способен решить многие проблемы собственного развития.

Когда программа "накачки" внутреннего спроса, а, по сути, печатания денег в Китае началась, правительство стало публиковать данные о том, как доля этого спроса в росте ВВП замещает долю экспортных контрактов. Однако уже в 2012 году такие данные публиковать перестали. Это говорило о том, что внутреннее потребление оказалось неспособным заместить внешние рынки. Китай остался экспортно зависимым государством.

При этом выявлялся ещё одна проблема: в связи с тем, что экономикой "накачали" деньгами, товары made in China стали менее конкурентными на внешних рынках — выросла себестоимость труда. Раньше китайцы брали дешёвой силой своей продукции. А после "накачки" зарплата китайского рабочего выросла, и тем самым национальная экономика подорвала собственное конкурентное преимущество на внешнем направлении. Такие вот "ножицы" получились! Как Китай будет из этого выплывать — вопрос отдельный.

Эпидемия COVID-19 стала ещё одним звеном в этой трагедии. Сейчас в китайских государственных СМИ много говорят о том, что своевременное закрытие проблемных городов и прочие принятые меры способствовали быстрому выходу из эпидемии и восстановлению производства. В Китае стало модным слово "фугун", означающее "восстановление промышленности". Так, например, агентство "Синьхуа" отчитывается, что люди стали выходить на работу, что всё хорошо.... Есть заявления государственных СМИ о том, что 100% крупных госпредприятий заработали. И что есть небольшие проблемы у малого, среднего бизнеса, но они решаемы, поскольку возникнет эффект отложенного спроса: люди, месяцами отрезанные от кинотеатров, "макдоналдсов", покупки новой одежды, поторопятся всё наверстать...

Но, на мой взгляд, всё это вряд ли компенсирует потери, которые может понести китайская экономика, если она лишится своих рынков в США и Европе. По состоянию на конец апреля китайская экономика так и не вышла из пике даже при условии масштабной помощи — показатели прибыли промышленного сектора, транспортных перевозок не только вопреки логике отложенного спроса не вышли "в плюс", но и продолжают оставаться в отрицательной зоне.

К тому же, есть косвенные показатели падения экономики. Во-первых, это количество потребляемого угля, которое на середину марта составило около 70% от докризисного. Это удивительно! Ведь в северных районах Китая ещё зима не закончилась. Во-вторых, китайцы не вышли на прежний (докризисный) уровень потребления нефти. В-третьих, на прежнее количество потребляемого газа. В-четвёртых, наличие

неполная загруженность транспортной системы: аэропорты наполовину пусты, пассажиропоток в метро заметно не отличается от карантинного. Автоперевозки также не преодолели кризис.

И, зная все эти официальные данные, невольно задаёшься вопросом: а восстанавливается ли китайская экономика? Ведь 80% китайского населения связано с малым и средним бизнесом, а для них месяцы простоя — смертельны.

По состоянию на конец апреля также не решена проблема безработицы, которая служит предметом серьёзной обеспокоенности не только в Китае, но и широко обсуждается западными СМИ.

ТЕПЕРЬ о позитивных вещах для Китая. На фоне кризиса в китайско-американских отношениях происходит перерформатирование модели внешней торговли в целом. Китай перенаправил основные торговые потоки в страны Юго-Восточной Азии, а также в Пакистан, Турцию, Иран, Иорданию и прочие страны Ближнего Востока.

Удивительно, но в тройке "бенефициаров" нынешнего падения китайской экономики невольно оказались Россия, Вьетнам и Малайзия. Россия увеличила свой экспорт в Китай на 25%. При этом импорт китайских товаров в Россию сократился, китайская промышленность всё меньше конкурирует с нашим импортозамещением. Аналогичные процессы происходят в отношениях Китая с Вьетнамом и Малайзией, в которой, надо сказать, очень большая китайская диаспора.

Данные китайского Госстата по промышленному производству, транспорту и розничному потреблению в Китае, конечно, отличаются от прогнозов агентства Bloomberg, которое не так давно предпекло КНР падение промышленного производства на 3% (это 22-летний, с 1998 года, минимум). По прогнозам того же агентства, розничные продажи на внутреннем китайском рынке могут упасть на 3-4%. Соответствующим будет и падение всех остальных экономических показателей.

Что на самом деле будет в Китае, с учётом существующей там серой экономики и различных форм теневого "банкинга", мало кто может предсказать. Несомненно одно: при нахождении у власти нынешнего военно-политического руководства КНР наши отношения с этой страной будут успешно развиваться и впредь. То, что российская торговля с Поднебесной вырастет на 20% к концу 2020 года, тоже вызывает мало сомнений.

Таким образом, к концу текущего года товарооборот России и Китая может составить 120-130 млрд. долл. Товарооборот Соединённых Штатов и КНР (если надеяться, что до войны не дойдёт) составит порядка 400 млрд. долл. Как видим, пока примерно втрое больше, чем с нами. Но если такие тенденции сохранятся в течение лет пяти, то Россия неизбежно станет ведущим партнёром КНР. А это — серьёзные геозкономические изменения, которые повлияют и на Китай, и на Россию. Роль Российской Федерации при таком сценарии может возрасти примерно до той роли, которую Советский Союз играл в Китае конца 1940-х — первой половины 1950-х годов.

Для российских производителей рынок Китая будет открыт. Сейчас это уже очевидно по решениям, принятым совместно главами наших государств. Таков, например, важнейший проект "Сила Сибири", который, по сути дела, вытеснил американский сжиженный газ. Если отказы по американскому газу сейчас идут в рамках форс-мажорной ситуации, связанной с коронавирусом и агрессивными антикитайскими выпадами США, то отказов по российским нефти и газу нет и, по всей видимости, не будет. Существует вполне объективная геостратегия наших двух стран, направленная на интеграцию.

Сейчас, на фоне будущей коронавирусной пандемии, сложно делать прогнозы, но нельзя не заметить открывшегося поля возможностей, немыслимого ещё полгода назад. Интеграция России и КНР будет, по моему мнению, углубляться. Для нас Китай становится более доступным. В частности, идея наращивания экспорта российского продовольствия в

Китай может приобрести вполне реальные очертания. Сейчас даже те агрокомплексы, для которых Китай был далёкой "планетой", начали поставки туда рапсового и подсолнечного масла, других продовольственных товаров. В связи с тем, что из Китая будут уходить крупные американские корпорации, наша продукция с высокой добавленной стоимостью вполне способна занять достойное место на рынке КНР. Китайские партнёры готовы к этому. Конечно, есть в Китае и те, кто настроен скептически, но воля политического руководства Китая — открыть двери для России.

Конечно, далеко не каждый потенциальный экспортёр может реализовать свои возможности у китайцев. Но усилия будут вознаграждены сторией по мере нахождения подходящих партнёров. Для этого необходимо выстроить программу действий на ближайшие 5-10 лет. Это могут быть, например, поставки какой-нибудь мебели, которая сегодня не нужна китайскому рынку, но завтра, в связи с ростом себестоимости китайской продукции, она станет конкурентной и необходимой. Нужно больше изучать предпочтения китайских покупателей, тогда нам будет сопутствовать успех.

Конечно, COVID-19 изрядно попортил ситуацию в китайской банковской сфере. Центральному банку пришлось спасти региональные, поскольку далеко не все они смогли исполнить свои кредитные обязательства. Например, были выкуплены 44% акций Банка Цзиньчжоу (крупнейшего регионального банка в провинции Ляонин), руководителем которого когда-то был нынешний премьер Госсовета Китая Ли Кэцян. Есть мнение, что кризис в банковском секторе КНР будет только разрастаться.

Вообще же, в Китае происходит очень интересная смена парадигмы развития. Например, из-за неаяков на производство трудовых мигрантов, многие из которых в панике отказывались приехать к месту работы, а другие не смогли это сделать из-за ограничений, связанных с транспортом и блокировкой дорог. В итоге производства не достигли своего немалого количества рабочей силы. И тут же вырос спрос на облачные технологии, развитие дистанционного мониторинга производства. Новый импульс получила и роботизация производственных процессов. Очевидно, что нынешний кризис ещё шире открыл ворота для цифровой экономики. Полагаю, этот вектор в Китае будет только усиливаться.

ОТ РЕДАКЦИИ.
Китайская Народная Республика проходит сейчас историческое испытание на готовность к реальному, а не потенциальному глобальному лидерству — в остром соперничестве со всё ещё занимающими данную позицию Соединёнными Штатами Америки. Линия фронта между двумя этими центрами силы проходит уже через все сферы человеческой цивилизации: экономику, торговлю, финансы, политику, идеологию, культуру, системы образования и здравоохранения, науку, технологии, и так далее. Практика здесь является критерием не только истинны, но и выживания, что наглядно продемонстрировано, например, течением и последствиями коронавирусной инфекции COVID-19 для китайского и американского обществ.

Газета "Завтра" всегда выступала против неолиберального однопольного мира Pax Americana, представляющего угрозу не только для России и русского народа, но и для всех государств и народов мира, включая собственно США, и в поддержку стратегического союза Москвы и Пекина, направленного на создание многополярного мира, нацеленного на приоритеты социальной справедливости, свободы и развития. Этот идеал Русской Мечты, сформулированный Александром Прохановым, — та система координат, в которой лучше видны все плюсы и минусы любой модели государства и общества, в том числе — отмеченные Николаем Вавиловым применительно к современной КНР.